

О критериях возрастной периодизации (материалы к философии возраста)*

Проблема возрастной периодизации рассматривается в горизонте герменевтической феноменологии. Исследуются основания периодизации и вводятся ее критерии, базирующиеся на различении ситуативного и надситуативного времени, а также на анализе изменений в соотношении размерности прошлого, настоящего и будущего.

The problem of age periodization is regarded in the perspective of hermeneutic phenomenology. The author examines the grounds of this periodization and introduces its criteria based on the distinction between the situational and the oversituational time as well as on the analysis of change of the proportion of the past, the present and the future.

Ключевые слова: философия возраста, возрастная периодизация, возраст, герменевтическая феноменология, ситуативное время, надситуативное время, возрастное время.

Key words: philosophy of age, age periodization, age, hermeneutic phenomenology, situational time, oversituational time, age time.

Философия возраста – одно из новых, быстро развивающихся направлений философских исследований¹. В литературе, посвященной этой теме, преобладают работы, в которых дан анализ отдельных возрастов и проблем возрастной динамики. Дальнейшее развитие философии возраста и ее конституирование как особой области антропологических исследований предполагает продумывание концептуальных оснований, определяющих общую логику и структуру новой дисциплины. Одним из вопросов, который должен быть рассмотрен в рамках работы над решением этой задачи, является вопрос о критериях периодизации возраста.

© Лишаев С. А., 2015

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00705.

¹ Об истории философской рефлексии над возрастом от античности до наших дней нам уже приходилось высказываться (подробнее см. 3).

В философской литературе сегодня используются разные варианты периодизации. Причем часто они «принимаются к исполнению» без какого бы то ни было обоснования избранного варианта. Можно предположить, что теоретики возраста, используя ту или иную возрастную схему, исходят или из языкового предпонимания периодизации, или опираются на одну из тех ее версий, которые были созданы в медицинских, психологических или социологических исследованиях.

Мы исходим из того, что философская непродуманность возрастной периодизации будет преодолеваться по мере того, как философы перейдут к попыткам построения общей теории возраста. Такую теорию не построить без тщательно продуманной периодизации, без анализа ее критериев. Первые работы, посвященные теоретическим проблемам философии возраста в целом, уже появились в отечественной литературе. Но, к сожалению, вопроса о периодизации они лишь слегка касаются.

В известной статье М. Эпштейна «К философии возраста» [5] излагается проект философской теории возраста, построенной методом фрактального анализа. Ее автор предлагает целую периодическую таблицу возрастов. Принцип самоподобия, как показывает Михаил Эпштейн, позволяет рассмотреть в «традиционном» детстве «детство детства», «отрочество детства», «молодость детства», «зрелость детства» и «старость детства». Аналогичным образом «делятся на пять» и четыре других возраста. Не входя в анализ таблицы возрастов по существу, отметим, что за исходную возрастную матрицу принимается «пятичленка» (детство, отрочество, молодость, зрелость и старость). При этом ни число, ни состав базовых возрастов не обсуждаются; они просто извлекаются автором из языкового обихода как наиболее распространенный вариант структурирования возрастов¹.

В недавно изданном исследовании Е. В. Косиловой («Философия возраста» [1]) имеется небольшая глава под названием «Возрастные этапы» [1, с. 8–13]. К сожалению, автор ограничился экспозицией трех классификаций возраста: обыденной, природной (физиологиче-

¹ М. Эпштейн пишет о делении возраста на пять периодов как о чем-то само собой разумеющемся: «Чаще всего выделяются пять: детство, отрочество, молодость, зрелость, старость. Порою перед детством еще выделяется младенчество, перед молодостью — юность, а после старости — дряхлость. Но мы будем исходить из простой, пятичленной схемы, потому что и она позволяет нам умножить число возрастов до 25» [5]. Но верна ли пятичленная схема? Не следует ли брать за основу три возраста или, скажем, семь? «По ситуации» (речь идет о журнальной статье) отказ от объяснений М. Эпштейна понятен и логичен: автор должен был представить фрактальную теорию возраста в рамках небольшой журнальной статьи. Но вопрос об основаниях периодизации все равно остается.

ской) и познавательной. Первые две просто описываются без какого бы то ни было анализа, вторая обсуждается: познавательное взросление – одна из центральных тем исследования Косиловой. Однако и познавательная периодизация (особенно ее вторая часть, названная периодом «познавательной самостоятельности») нуждается, по признанию автора, в дальнейшем продумывании [1, с. 11–13]. Обсуждения периодизации экзистенциального взросления (вторая сквозная тема книги Косиловой) в книге нет, как нет и обоснования «объединенной» периодизации, в которой гносеологические и экзистенциальные аспекты возраста можно было бы свести в единую возрастную схему.

Наиболее последовательное обоснование возрастной периодизации можно найти в работе В. И. Красикова «Синдром существования» [2, с. 9-18]. В ее основу положена темпоральная структура экзистенции, базирующаяся, по Красикову, на динамическом балансе воображения (желания, мечты), памяти (опыта) и рефлексии. Память питает рефлексия, а постепенное усиление последней делает сознание трезвым и... все больше и больше «подрезает» крылья воображению. Доминирование воображения (желания) над памятью (опытом) и рассудком характерно для молодости (верховенство будущего). Равновесие прошлого и будущего под правлением трезвого разума определяет годы зрелости (верховенство настоящего). Доминирование опыта и рассудка над воображением определяет жизнь человека в старости (верховенство прошлого). Не входя в подробный анализ предложенной В. И. Красиковым периодизации (а в ней есть много конструктивных моментов), отметим, что она вызывает и возражения. В трехзвенной периодизации Красикова (молодость, зрелость, старость) детство рассматривается как этап молодости, с чем согласиться трудно, если исходить из критериев периодизации, предложенных этим же автором. Дети в своем развитии устремлены в будущее (растут, развиваются), но они не живут будущим в отличие от молодых взрослых, чья жизнь определяется как раз «большим будущим».

Тем не менее темпорально-ориентированный подход к возрастной периодизации, предложенный Красиковым, представляется нам конструктивным. В данном исследовании мы также будем исходить из темпоральной структуры экзистенции как основы возрастной периодизации. Однако темпорально-возрастную структуру периодизации жизни мы рассмотрим, исходя из концептуального горизонта герменевтической феноменологии [3].

Темпоральность и возраст. Критерии периодизации

Рассматривая возраст в методологической перспективе экзистенциальной аналитики, следует прежде всего прояснить критерии периодизации. Их следует искать в том, каким образом темпоральная структура Dasein (Присутствия) исполняется – по ходу жизни – телом и «на теле». Благодаря темпоральному устройству экзистенции как, по слову Хайдеггера, *вперёд-себя-уже-бытия-в-мире-привнутримирно-встречном-сущем* собственная жизнь оказывается в нашем ведении как временная и временная. Если собственная жизнь (как и жизнь других людей) открыта нам как протяженная, конечная и неоднородная по своим временным характеристикам, она приобретает возрастную структуру.

Чем определяется эта структура? Наложением экзистенции как экстатически-горизонтального единства прошлого, настоящего и будущего на фактичность Присутствия в ее временном аспекте. Возраст – это конкретизация временного характера Присутствия, его возрастная расположенность, одна из онтических проекций вне-себя-бытия.

Когда говорят *о Присутствии*, говорят *о временности экзистенции*, когда говорят *о человеческой жизни*, говорят *о ее возрастах*. То обстоятельство, что человек *имеет* возраст, определено темпоральностью его бытийного устройства. *Неравенство временных горизонтов по величине* – результат *фактичности исполнения темпоральной структуры* вне-себя-бытия. Именно тело обуславливает – по ходу жизни – трансформацию соотношения временных горизонтов по параметру величины. Накопление временных изменений на телесном уровне ведет к изменению соотношения горизонтов (направлений) *временения по их протяженности* и, соответственно, по их *экзистенциальному весу*.

Сама по себе темпоральная структура экзистенции (как единства трех временных горизонтов) имеет трансцендентальный характер, но поскольку она исполняется живым существом, то при рассмотрении его жизни в диахроническом режиме необходимо учитывать те поправки, которые вносятся в соотношение измерений времени (*по их протяженности*) человеческим телом, параметры которого «по жизни» меняются.

Критерии возрастной *периодизации* следует искать в *изменениях размерности временных горизонтов*, определяющих темпоральный размах заботы о жизни или... в отсутствии таковой. Если различать заботу, ангажированную текущей ситуацией (заботу в форме *озабо-*

ченности «требованиями минуты», «дня», «недели»), и заботу, имеющую в виду отдаленное будущее и «в дела давно минувших дней», в пределе же – жизнь-как-целое (как ситуацию, требующую (раз)решения), то необходимо разграничивать лежащую в основе разных модусов заботы *разноуровневость темпорального режима времени*, в котором мы предлагаем различать ситуативный и надситуативный уровни.

Ситуативное время (и ситуативное временение Dasein) подчинено текущим обстоятельствам с их «вчера», «сегодня» и «завтра». *Надситуативный уровень временения* распространяет экстатически-горизонтальное единство прошлого-настоящего-будущего за пределы текущей ситуации и расширяет горизонты экзистенциального времени до масштабов жизни как целого. Надситуативное время (в пределе) – это *(авто)биографическое* время.

Различение ситуативного и надситуативного времени – *основа возрастной периодизации*, артикулирующей темпоральную вариативность человеческого существования. Оно обосновывает двухступенчатую периодизацию, в соответствии с которой все люди относятся к двум категориям: к детям или взрослым.

Над этой базовой периодизацией надстраивается периодизация второго уровня, в основании которой лежат *различия временных горизонтов надситуативного времени по величине*. Как будет показано ниже (раздел «Три возраста взрослости»), она связана с переносом экзистенциально-временной доминанты (а с ней и заботы) с будущего (молодость) на настоящее (зрелость), а с настоящего на прошлое (старость) и касается жизни взрослого человека.

Первый возраст. Детство

Самое радикальное различие в темпоральных горизонтах экзистирования определяется способностью или неспособностью человека к временению в надситуативном режиме. Взрослый на это способен, ребенок – нет. Время ребенка *ситуативно*. У ситуативного времени короткое дыхание. Если взрослый живет и в ситуативном, и в *надситуативном времени*, то ребенок осваивает (не без труда и не быстро) только ситуативный уровень временения. Предмет заботы взрослого как минимум его собственная жизнь. Взрослыми становятся, когда открывают большое, но не бесконечное по протяженности будущее и принимают его «под свою ответственность». Будущее заботит взрослого как бытийная возможность (как возможность себя).

У ребенка надситуативно-биографическая структура времени не развернута¹. Он не вовлечен в собственные, рассчитанные на отдаленное будущее (в пределе – на жизнь в целом) жизненные планы, его не мучают воспоминания и сожаления о несбывшемся, его не гложет бесплодность настоящего. Да, он играет во взрослую жизнь, но эта игра не связана с «жизненными планами». Ситуативному времени ребенка соответствует его неготовность (неспособность) нести ответственность за свою жизнь. И если ситуативное время и ситуативная ответственность (а также связанная с ней озабоченность) по ходу взросления ребенка расширяются, то большое будущее раскрывается только в юности. Перед ребенком же стоит задача освоения времени на ситуативном уровне.

Ситуативное время в игровом и неигровом режимах. Переход от полной беззаботности к ситуативной озабоченности – важный этап взросления ребенка. Поначалу время его не беспокоит и он осваивается в тех временных координатах, которые задаются и поддерживаются извне, его родителями. Если мы заговорили о возрастной динамике детства, то следует различать 1) *внутри-игровое* ситуативное время и 2) *неигровое* ситуативное время, с которым ребенок *вынужден* иметь дело (родители или учителя ставят его *в обязывающую ситуацию* с промежуточным и итоговым контролем извне, со стороны). Неигровое ситуативное время дети брать «на себя» не хотят, оно их не заботит, они о нем не думают и не помнят. К нему их надо приучать.

Разграничение между маленькими детьми и детьми «младшего и среднего школьного возраста» состоит в том, что дошколята не знают (почти не знают) обязывающих ситуаций. Ситуативное время они осваивают через организованную родителями ситуативность (детей приучают к режиму дня) или через игру, где имеется свое особое, условное время (это игровая озабоченность: во что играть, с чего «начать», что делать «потом», как победить в ней и, т. д.).

¹ Необходимо различать надситуативное *биографическое* время (только о нем и идет речь в этой статье) и надситуативное историческое прошлое, которое соотносится с общественно-политическим, культурным, экономическим настоящим и будущим. Надситуативное время в его историческом аспекте начинает осваиваться детьми уже в школе (пусть и весьма поверхностно и в отрыве от исторического настоящего и будущего), а надситуативное биографическое время – только в юности. Надситуативное персональное время не может носить внешнего характера, к нему не перейти за счет уроков. Его «усвоение» – это *способность жить* в большом времени, времени надситуативном, соотносить «сегодня» с отдаленным будущим, пытаться выстраивать настоящее из чаемого будущего.

Среди игровых ситуаций можно различать ситуации, созданные взрослыми для детей, и ситуации, созданные самими детьми. Чем старше ребенок, тем больше игровых ситуаций он способен создать для себя сам. Чем он взрослее, тем больше его вовлекают в неигровые (обязывающие) ситуации и тем меньше взрослые контролируют, как он распоряжается своим ситуативным временем («управление» временем ситуации постепенно передается детям).

Неигровая ситуативная озабоченность отрабатывается «детьми младшего и среднего школьного возраста». Они поставлены в ситуацию, требующую от них самоорганизации, ориентации во времени, и *вынуждены адаптироваться к ней: помнить* о том, что «не интересно», пытаться «организовать свое время». Школьники обеспокоены учебой, выполнением возложенных на них обязанностей, отношениями со сверстниками «во дворе» и т. д. По мере взросления ребенка того, что «не игра», в его жизни становится все больше. Ситуации, которые создает ребенок (или в которые он свободно входит), это игровые и досуговые ситуации, которые возникают не из «надо», а из «интересно» или «хочется».

Переходный возраст. Принимая тезис о том, что граница между детством и взрослостью связана с переходом от ситуативного к надситуативному временению, мы можем решить и активно обсуждаемый вопрос о «переходном возрасте», который в разных системах периодизации именуют по-разному. Чаще всего этот момент в развитии человека именуют подростковым, отроческим или юношеским. При этом кто-то рассматривает подростковость как последнюю фазу детского возраста, кто-то как первую фазу взрослости, а кто-то говорит о подростках *как об особом возрасте*, располагающемся между детством и юностью (или молодостью).

Разграничение взрослых и детей по критерию полноты/неполноты освоения темпоральной структуры существования *позволяет избежать размытости в определении возрастного статуса переходного возраста*. Если человек не выходит за пределы ситуативного времени (то есть игрового и адаптивного поведения), то перед нами ребенок. Если свое настоящее он «застраивает» из чаемого им большого (надситуативного) будущего, а детство переживает как свое прошлое (юнец категорически не хочет, чтобы его считали ребенком), мы вправе говорить о человеке, вступившем во взрослую жизнь, принявшим на себя «большую заботу». *Первый период взрослой жизни* можно назвать, следуя языковой традиции и не вступая в спор с графом Л. Н. Толстым, юностью, зарезервировав понятия отрочества и подростковости за «поздним детством», т. е. за периодом, который располагается где-то между семью и четырнадцатью годами.

Младенчество и детство. Поскольку процесс взросления от рождения до начала взрослости и далее идет непрерывно (юноши – еще «не вполне взрослые»), то и наибольшее количество *внутри-возрастных* формаций приходится на детство. Исследование этапов детства как особого возраста не тема нашей статьи, но вопроса о характере его первой ступени мы все же коснемся.

Периодизация возраста в феноменологической перспективе исходит из детства, которое знает себя. Но всегда ли ребенок себя знает? В его жизни имеется период (даже если не брать период внутриутробного развития), когда он не знает не только надситуативного, но и ситуативного времени с его «теперь», «уже» и «потом». Ребенок уже *есть* (для его родителей, для врачей, для «других»), но еще не присутствует, не существует как бытие-в-мире. Точные сроки *жизни без живущего*, учитывая существенные различия в индивидуальном развитии, назвать сложно, но находить себя «в» окружении других, знать (узнавать) себя и других, отличать детей от взрослых ребенок начинает около полутора-трех лет, и вхождение в Присутствие коррелятивно его успехам в освоении речи, о чем можно судить по все время меняющейся практике именованию ребенком окружающих его людей, вещей и самого себя. Ясно, что до начала формирования речи и сознания ребенок находится за порогом структуры Присутствия и, соответственно, *его темпорального устройства*.

Можно ли отнести «темное детство» к детству как эпохе господства ситуативного времени, если младенец еще не присутствует, оставаясь за порогом структуры вне-себя-бытия? Следует ли рассматривать младенчество (вслед за «внутриутробным периодом») как особый возраст (как *возраст для-других-бытия*), как *особый период* наряду с детством? Пока мы лишь ставим этот вопрос, не решая его по существу, позволив себе лишь сугубо предварительные замечания.

Рассмотрение возрастной периодизации в горизонте экзистенциальной аналитики не позволяет рассматривать в одном ряду конфигурации временной расположенности человека (его *возраста*) и те ступени его существования, которые связаны с жизнью в утробе матери и с темнотой младенчества. Младенчество можно определить как период жизни в «отсутствии» (заметим, что временные выпадения из структуры Присутствия случаются с человеком на всем протяжении его жизни: во время сна, в ситуации «обморока», «потери сознания», «экстаза» и т. д.). Однако постольку, поскольку этот период (младенчество) включается в возрастное сознание человека (*мое* младенчество в рассказах моих близких), мы все же склонны «причислить» его, пусть и с оговорками, к детству в качестве его витальной подготовки.

Три возраста взрослости

По ходу исполнения жизни ситуативное временение не претерпевает заметных изменений *ни по структуре, ни по величине* временных горизонтов. Изменения темпоральных характеристик экзистирования взрослого человека связано с изменениями, происходящими *на надситуативном уровне* временения. Взрослая жизнь ориентирована не только адаптивно (взрослый решает не только текущие вопросы, хотя этого в ней предостаточно), но и проективно-ретроспективно, т. е. *надситуативно*.

Надситуативно (целостно) осваиваемая жизнь неоднородна по своим темпоральным характеристикам и распадается *на несколько периодов*. Критерием для их выделения служит *изменение временных горизонтов экзистирования* (его векторов, направлений) *по величине* (протяженности). Величина направлений надситуативного времени постоянно меняется. Протяженность прошлого, впервые открываемого в образе завершившегося детства (категорическое «я уже не ребенок» юноши), до конца жизни непрерывно возрастает. Протяженность надситуативного будущего, открывшаяся в образе «туманной» и *почти бесконечной* дали, постоянно (до момента смерти) сокращается и проясняется (от неясной *будущей жизни* юности к отчетливости *будущей смерти* старости). Надситуативное настоящее имеет более сложный рисунок: сначала (со времен юности) оно увеличивается, достигая максимума в годы зрелости, но затем все время сокращается (по мере извлечения стареющего человека из тех или иных «вовлеченностей», т. е. из давно продолжающихся дел, державших его в напряжении в годы зрелости).

Хотя соотношение трех надситуативных горизонтов времени от юности до смертного часа меняется, время взрослой жизни имеет четкое возрастное деление, определяемое доминирующим в тот или иной период временем. *Доминирующее время*, которое мы называем также *возрастным временем*, – это время заботы, тревоги и надежды о жизни как о целом. Возрастное время, генерирующее заботу, – это и *самое протяженное и наиболее притягательное в экзистенциальном плане* время. Более всего нас заботит то время, в котором мы находим большую «часть» себя и с которым мы связываем содержательное исполнение своей жизни, полноту своего присутствия в мире. Временная структура вне-себя-бытия, развернутая как единство будущего, настоящего и прошлого, на всем протяжении жизни, остается неизменной, но соотношение моментов времени по их онтически заданной величине по ходу жизни меняется. Одно из времен всегда доминирует над двумя другими.

Молодость, если рассматривать ее темпоральное основание, это период, когда доминирует будущее. Зрелость – это время, когда человек живет большим настоящим (перестает жить ожидаемым будущим, но еще не переместился – экзистенциально – в «светлое прошлое»). В зрелые годы он вовлечен во множество жизненных «предприятий» (профессиональная реализация, семья, дети, другие экзистенциальные проекты), которые «не вчера» начались и «не завтра» завершатся. Наиболее протяженное и приковывающее внимание время в зрелости – это расширенное (надситуативное) настоящее, исходя из которого зрелый человек оценивает прошедшее и будущее за пределами «большого настоящего». Надситуативно-временная доминанта старости – прошлое. Содержательность и полнота жизни в целом актуализируется на склоне лет в модусе «было» (жизнь – в общем и целом – прошла, исполнилась-наполнилась), которое доминирует в экзистенциальном плане: жизнь здесь это то, что подлежит осмыслению и завершению. Будущее и настоящее в старости застраиваются из бывшего.

* * *

Рассмотрение возраста в горизонте герменевтической феноменологии предполагает прояснение связи, существующей между *возрастом* как характеристикой жизни и *темпоральностью* как базовой экзистенциальной структурой Присутствия. Темпоральность как «экстатически-горизонтальное единство временности» характеризует (по Хайдеггеру) *сущее*, «которое есть мы сами», но *без уточнения переменных параметров его существования*. В антропологическом исследовании *изменение этих параметров*, вызывающее трансформацию темпоральной структуры экзистенции, *выходит на первый план и задает критерии возрастной периодизации*.

Рассмотрение возрастной структуры на основе анализа переменных параметров темпоральной организации жизни позволяет выделить – на первом шаге – два возраста: детство и взрослость. Критерием их различия является наличие или отсутствие надситуативного (биографического) уровня временения экзистенции. Специфика детства состоит в неразвернутости «верхового», надситуативного времени. В детском возрасте человеческая жизнь «протекает» сначала в безвременье (младенчество), а потом в постепенном освоении и исполнении темпоральной структуры экзистенции на ситуативном уровне (в игровых и неигровых форматах ситуативного временения). Внутренняя периодизация остается важной задачей специального исследования детства, а его внутривозрастное деление определится с анализом этапов освоения детьми ситуативного времени.

На втором шаге периодизации выявляется возрастная структура взрослой жизни. Она делится на три периода: молодость, зрелость и старость. Критерием выделения возрастных этапов служит неравенство временных моментов экзистирования. Наиболее протяженное в тот или иной период жизни надситуативное время, доминирующее над двумя другими временами, определяет собой возрастную расположенность человека в целом. В молодости это будущее, в зрелости – настоящее, в старости – прошлое. Таким образом, в разные моменты взрослой жизни наиболее протяженным и экзистенциально значимым является одно из трех направлений времени. Именно его доминирование определяет особую временную конституцию возраста и с полным основанием может быть названо *возрастным временем*. Каждый из трех взрослых возрастов может и даже предполагает деление на внутренние периоды, вычленение и исследование которых – одна из первоочередных задач философского анализа молодости, зрелости и старости.

Итак, рассмотрение возрастной периодизации жизни, базирующейся на анализе неоднородности ее временной организации, позволяет говорить о четырех возрастах, экзистенциальная матрица которых имеет свой собственный темпоральный рисунок. Наиболее глубокой по своим темпоральным и экзистенциальным основаниям является граница между детством и взрослостью (двухвозрастная периодизация). Темпорально-возрастная периодизация жизни взрослых – это периодизация второго порядка.

Список литературы

1. Косилова Е. В. Философия возраста: Взаимосвязь эмоционального и познавательного взросления человека. – М.: ЛЕНАНД, 2014.
2. Красиков В. И. Синдром существования. – Томск, 2002. – С. 9–126.
3. Лишаев С. А. Возраст в истории европейской философии (историческое введение в философию возраста) // *Mixtura verborum* 2014: жизнь в параллельных мирах: Философский ежегодник. – Самара: Самар. гуман. акад., 2015. – С. 172–200.
4. Лишаев С. А. Философия возраста в пространстве экзистенциальной аналитики: экзистенциальная аналитика и региональная онтология // Вестн. Самар. гуманит. акад. Сер. Философия. Филология. – 2015. – № 1 (17). – С. 33–42.
5. Эпштейн М. Н. К философии возраста: Фрактальность жизни и периодическая таблица возрастов // Звезда. – 2006. – № 4 [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2006/4/ep12.html> (дата обращения: 25.08. 2015).